

Сознание - миф - жизнь

Автор: Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

Феномен человека: современное прочтение

"Бытие определяет сознание", учили нас в эпоху официозного диамата и истмата, когда считалось, что труд создал человека. Освобождение от идеологического диктата ввело в открытый оборот философского, мировоззренческого осмысления массу накопленных специальных знаний, публично оперировать которыми, за рамками узких физико-математических и биологических дисциплин, ранее было запрещено, а потому опасно.

Когда искусственные ограничения были сняты, выяснилось, что ряд качеств, прежде называвшихся исключительными характеристиками человеческого рода, на самом деле к таковым не относятся. Например, целенаправленно менять состояние экологической ниши или добывать себе пропитание и обустривать жизненное пространство с помощью примитивных орудий труда, в том числе совершенствуя их, способно множество высших позвоночных.

А инстинкт своего рода "производящего хозяйства" заложен в генетическом коде даже некоторых муравьев. Эти и аналогичные им данные заставляют иначе относиться к определению специфики формы жизни, присвоившей себе имя *homo sapiens* [Новиков, 1980].

Традиционно считалось, что понятие "сознание" можно применять к животным лишь крайне условно. Затем было опытно установлено, что они им все-таки обладают. Тогда меньшим братьям поспешили отказать в абстрактном мышлении. Теперь наблюдения в дикой природе сняли и это ограничение. Сочувствие самке, потерявшей детеныша, выказывают члены той же группы у многих приматов. Гориллы горюют и даже плачут над своими покойниками иногда по несколько дней, а оставляя их, накрывают листьями, порой добавляя к этому и некоторое подобие ямки. "Погребальные ритуалы", включающие "хороводы" и присыпание пылью, зафиксированы также у слонов в случаях, когда особь падает в стаде. Выходит, как минимум, один и важнейший (о жизни и смерти) класс абстрактных представлений не является эксклюзивно нашим свойством. О том же говорят и некоторые иные виды так называемого ритуального поведения у зверей. Немало их обладает также простейшим предвидением [Тинберген, 1992; Карпинская, Никольский, 1988].

Развитие науки нарушило стройную гипотезу происхождения человека по цепочке "дриопитек -> рамопитек -> австралопитек -> питекантроп -> синантроп -> неандерталец -> прогрессивный неандерталец -> кроманьонец (человек современного типа)". Оказалось, что кроманьонец и неандерталец - отдельные ветви гоминид. У них нет об-

*Шелов - Коведяев Федор Вадимович - кандидат исторических наук, профессор
Государственного университета - Высшей школы экономики и Московской школы экономики при
Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.*

щего предка, а связь каждого из них с синантропом и тем более его предшественниками тоже не находит достаточных доказательств. Выводы биологов на основе анализа ДНК подтверждают независимо от них полученные археологические результаты, существенно меняющие наши взгляды на хронологию обоих видов.

Сделанные открытия имеют несколько последствий. Поскольку старые эволюционные построения не нашли подтверждения при углублении научного поиска, окончательно подрывается уверенность в том, что труд и все, что с ним связано, - исключительное свойство человека как такового. Развитое сознание и начала культуры оказываются намного древнее собственно человеческой деятельности, идея - ее воплощения людьми. Иначе говоря, сознание опережает бытие именно в философском понимании последнего явления. "Профессиональные" марксисты оказались посрамлены тем, на что пытались неуклюже опереться, - эмпирической наукой.

Наконец, если совсем просто: *сознание определяет бытие*, а не наоборот. Иначе бы реклама и политические технологии были бы попросту бесполезны. Кроме того, еще древние говорили, имея в виду каждого индивида, "каковы мысли, такова и жизнь". Затем эта максима была мощно развернута мировыми религиями. Ныне она подтверждается прогрессом психологии и психоанализа. Ими экспериментально установлено, что человек интуитивно знал всегда: счастлив не тот, кто не терпит неудач (безбедной жизни просто не бывает), а тот, кто не теряет веру в себя. Наоборот, лузер - сначала состояние души, которое лишь потом влечет за собой материальные последствия.

Самое яркое подтверждение тому - даже не распространение профессий психоаналитика и психотерапевта, хотя сам взрывной рост их популярности говорит, что они, как и вера, реально приносят пользу обращающимся к ним. Лучшее всего это доказано наиболее известными "историями успеха". Например, Ф. Рузвельт в тяжелых условиях Великой депрессии и личного недуга постоянно сталкивался с ошибками своей политики, но легко забывал о них, был динамичен и всегда открыт к следующим экспериментам. Банально, но кураж, мобильность и постоянная готовность к новому, то есть чисто духовные показатели, суть главные факторы успеха.

Наука и религия

Современная физика рассматривает вакуум как специальное состояние энергии. Полагают, что начало возникновению Вселенной положил спонтанный взрыв в так понимаемом вакууме энтропии (в данном случае - связанной энергии). Этот первовсплеск высвободил огромное количество энергии, в результате возникли "черные мини-дыры", где родились виртуальные частицы и излучение, следом появились пространство/время и лишь затем - собственно материя (элементарные частицы и т.д.). Благодаря закону сохранения энергии давно известно, что ее количество постоянно и она лишь переходит из одного состояния в другое. Теперь получается, что из нее была произведена и материя в ее классическом понимании [Вейнберг 1981; Пригожий, Стенгерс 1986; 1994; Новиков, 1988].

Напротив, выражение "духовная энергия" в эру господства секуляризма, утилитаризма и релятивизма привычно рассматривается не более, как анахронизм, удобный в описании параметров личности. Но вот изучение физико-химических реакций, идущих в мозге, позволило измерять такую разновидность духовной (психической) энергии, как процесс мышления [Дельгадо, 1971]. Стало возможным переводить интеллектуальные импульсы в чисто электромагнитные, фиксировать их в цифровой форме и создать программу, используя которую можно писать на компьютере, сосредоточиваясь на букве из алфавита, выведенного на экран, и посылая машине по проводам мысленные сигналы, трансформируемые системой в текст [Геллер, 1991].

Присутствие энергии в момент зарождения материи и способность перехода духовной энергии в физическую делает материалистическое мировоззрение такой же формой веры, как и религия. Атеист *verum*, что энергия - первичная форма существования материи, признаваемая им *a priori* единственной реальностью, но не имеет тому абсо-

лутных доказательств. Точно так же религиозный человек скажет, что энергия, или Свет, - это Бог, или Высший Дух/Абсолют философии. Он *верит*, что именно духовная энергия стоит в начале начал и творит материю, и только потом возможны обратные трансформации. Данные современной физики как будто более соответствуют второму взгляду.

Но поскольку в реальном мире энергия и материя постоянно меняются местами, как два состояния двуединого вещества, его первоначальное качество не поддается однозначному рациональному доказательству. Приходится признать, что материализм и позитивистская наука в своей основе не менее, хотя и не более, чем традиционная религия, опираются на веру [Гейзенберг, 1987].

Сила духа и состояние общества

Сказанное выше было нужно для того, чтобы показать: современная наука утверждает первенство сознания в нашей жизни. Ведь таковое предсуществует человеку, а творение материи энергией, переход последней из психической (духовной) формы в физическую и связь энергии с информацией абсолютно реальны. *Ergo*, душевный (психологический) настрой человека как директивный параметр его самочувствия и образа действий имеет не только всем понятное субъективное измерение, но и вполне объективную природу. Божественную или материальную - как кому нравится.

То же и с обществом. Жизнь, как всегда, посмеялась над теми, кто думал, что постиг истину в конечной инстанции. Когда студентам вдалбливали "священную" цитату: "Идея, овладевшая массами, становится материальной силой", вряд ли многие задумывались над тем, что уже одна эта формула подрывает сами основы материалистического взгляда на мир. *Так* мог говорить только глубоко верующий человек (кстати, еще один аргумент в пользу того, что коммунизм - не рациональная система, а религия).

Если многие представители старших поколений тоскуют по минувшему, то виной тому не одна их ушедшая молодость. В резонанс с нею попадает состояние энтузиазма, то есть высокого душевного и духовного подъема, владевшее, несмотря ни на что, большинством наших соотечественников в 1920 - 1930-е и послевоенные годы вплоть до полета Ю. Гагарина в космос. Энтузиазм и силы иссякли, а обещанного достатка большинство взамен них так и не получили. Что значительно усиливает эффект фрустрации. Оттого и ностальгия. Хочется вернуться в точку, где пусть пока ничего не было, но хотя бы казалось близким и достижимым.

Отвечая на запрос, власть бросилась удовлетворять его сугубо механическим и паразитарным способом: трансляцией старых фильмов и эстрадных номеров, в том числе в новом исполнении, военно-патриотическим воспитанием, национализацией, и т.д. Для врачевания моральных ран пенсионеров это годится. Для развития - нет.

Прошлое нации надо знать. Гордиться моментами ее величия. Не забывать негатива. Не впадать в самодовольство и не захлебываться в самоуничижении. Но нельзя жить, держа свои идеалы только в прошедшем. Постоянная апелляция к героике Гражданской и Отечественной войн не спасла даже СССР. А ведь она была для него не только столь же органичной, как для современной России, но и совершенно и неизменно актуальной.

Попытки расширить число героев за счет жертв большевизма, по сути правильные, из-за сомнительной у многих искренности раскаяния, формального исполнения, слабого информационного обеспечения и фактической половинчатости тоже не содействуют консолидации общества и укреплению его нравственного духа. А без них нам не прийти к достойному будущему.

Конъюнктурная эксплуатация истории опасна тем, что при этом часто оперируют не реалиями, а химерами. И формируют неверные ориентиры, могущие окончательно сбить страну с нужного пути. В конце концов, дело не в том, что, несмотря на все перипетии, Российская империя, а также Советский Союз после индустриализации и Победы

ощущали себя великими державами. Это - вторично. Такое ощущение - результат того, что, соответственно, русское и советское общества имели высокую самооценку.

Следовательно, наша задача состоит не в том, чтобы вернуться куда бы то ни было назад. Нельзя забывать: если не быть осторожным (а в случае с прошлым это именно так), "мертвый хватает живого". Что действительно необходимо - сформировать настроение успешности у всего общества, опираясь на *свои* нынешние обстоятельства, обыгрывая *собственные* стабильные реакции, общественные установления и установки и открывая окна возможностей там, где могут скоро сыграть преимущества, заложенные в нас собственной культурой и предшествующим развитием. Тогда придут и масштабные достижения.

Конечно, есть процессы, некогда прерванные, которые во имя будущего требуется довести до конца. Например, утверждение собственности, общественного самоуправления, независимого суда и политической системы, и пр. Но при этом надо помнить: дважды не войдешь и в одну реку. Когда-то отложенное можно завершить, лишь сообразуясь с новой обстановкой и вработывая в уже существующий материал привнесенные ею элементы. Прежде всего надо упорно идти вперед к ясной цели. А коли уж оборачиваться назад, то точно зная, зачем и как это поможет общественному прогрессу. Иначе неизбежна авария.

При чем тут миф?

Благодаря публицистике, миф в массовом словоупотреблении стал антонимом действительности. О ком идет речь, когда хотят сказать, что нечто (например, объяснение или образ) - пустая выдумка? Начало такой эволюции понятия в эпоху Просвещения, очевидно, идет от представлений о мифических (не найденных в природе) животных и т.д.

Однако применение данного термина в бытовом значении в серьезной аналитике пагубно. Оно как снижает качество работы и выводов профессионалов, пользующихся неточными концептами, так и дезориентирует потребителей их продукции, торпедирует правильную формулировку стоящих перед обществом задач и их благополучную реализацию. Ситуация напоминает давнее отношение к фантастике. Некогда ее называли в лучшем случае не более, чем забавной игрой ума, но ее влияние на развитие позитивистской науки XX в. заставило относиться к ней почтительно. Пора вернуть доброе имя и мифу.

Лучшее определение истинного смысла этого явления дано А. Лосевым (здесь и далее ко всему, что касается мифа и символа, см. [Лосев, 1976]). Согласно ему, если кратко, миф - живая, творческая, непосредственно и целостно переживаемая подлинная и действенная реальность. Теория? Но многократно проверенный практикой опыт отлился у физиков в афоризм, который так любил повторять А. Сахаров: нет ничего более прагматичного, чем хорошо разработанная теория.

Тем более, что в случае с мифом его теория содержит в себе описание и всех средств, с помощью которых он взаимодействует с человеческим сознанием, и методов пользования этим инструментарием. Их эффективность была неоднократно эмпирически подтверждена психоанализом, нейропсихологией и нейролингвистикой и нашла себе прикладное применение в рекламных стратегиях и кампаниях всех категорий [Дельгадо, 1971; Фрейд, 1989; Геллер, 1991; Юнг, 1991].

Причина силы, неистребимости и плодотворности мифа в том, что он наиболее адекватен сознанию как таковому. Давно установлено, что логика в нашем мировосприятии далеко не преобладает. Наши реакции комплексны. Они разом объединяют и рациональные, и иррациональные, и эмоциональные, и этические, и эстетические, и художественные впечатления. Также слитно описывает действительность и миф. Более того, все новое человек сначала пропускает через сердце и лишь потом начинает анализировать. Недаром герои Гомера рассуждали и чувствовали двумя органами - *кardia* (отсю-

да - кардиология), то есть буквально грудобрюшной преградой, и печенью (влияние на настроение желчи отражено в выражениях "желчный", "меланхолия" и пр.).

Миф, как и религия, принадлежит к числу самых символически насыщенных феноменов. Символами оперирует и сознание. Это качество мышления постоянно стимулируется второй знаковой системой - языком. Ведь все языковые и речевые проявления - от звуков до образов - суть символы [Дельгадо, 1971; Соссюр, 1977]. Опыт доказывает, что благодаря этим своим свойствам символ не только отражает, но и сам формирует (вспомним соотношение "сознание - " бытие") действительность. Миф, проходя через сознание, творит саму жизнь.

Сочетание таких ведущих признаков сделало психику человека и миф взаимозависимыми величинами. В биосфере наиболее полный аналог их обоюдного влияния представлен так называемыми мутуалами - парой организмов, не могущих существовать друг без друга. Если почему-либо умирает один, то следом неизбежно погибает другой [Одум, 1975; Новиков, 1980]. Точно так же миф не живет вне мышления, но, со своей стороны, детерминирует индивидуальное и коллективное сознание и поведение, а значит, частные и общественные практики.

Поскольку же он дает нераздельную картину окружающего мира в полном соответствии с заведомо интегральным восприятием своей среды человеком, миф и является самой живой реальностью. В этом, среди прочего, секрет успеха рекламы и политехнологий.

Ограничения

В силу указанных причин демифологизация человеческого взгляда на мир в целом и политики как его выражения не просто бесперспективна. Демифологизировать и тот и другую можно, лишь полностью их разрушив. Это контрпродуктивно не просто как всякий акт самоубийства. Борьба с мифами и мифологизацией, утверждать, что мифы всегда и во всем отвратительны и вредны, тем более стремиться устранить их из жизни, опасно потому, что *гибельны не мифы, а их недоброкачественное содержание* и заданные ими неадекватные реакции, губительное поведение и ложное целеполагание. "Неча на зеркало пенять...", надо отсортировать ненужное и заменить его полезным.

Огромное количество мифов, которыми ныне живет русское общество и власть, угрожают нашему будущему. Но отсюда вытекает только то, что взамен их следует сложить другие. Дело в качестве мотивов, постановок и установок, транслируемых мифами. Нужно не посыпать голову пеплом по поводу не устраивающих нас мифологем, а *вытеснять их в общественном сознании перспективными образами*, выбирая исключительно те, что позитивно сработают именно на нашей ниве. И тут нет никакого "почвенничества".

Не всякая модель может прижиться в любой среде. Каждая нация формирует пригодные только для себя мифы. Апеллируя к тому, на что позитивно и активно реагирует менталитет именно данного народа, а не просто заимствуя оправдавшее себя в иных обстоятельствах. Например, важнейшим фактором консолидации японской нации служит преподавание в начальных классах мифологической истории государства. Начиная с божественности императора - прямого физического потомка верховной богини Аматера-су. Как если бы нашим школьникам преподавали, скажем, былины на уроках не литературы, а истории. И ничего: Япония живет лучше нашего. Но коли бы молодые США столь же буквально чтит традицию, то не потеснили бы в своем обществе расизм. Успехов в борьбе с сегрегацией за идеалы равенства они достигли, пропагандой возведя в 1960-е гг. новаторскую для того периода идеологию прав человека в степень мифа.

Поэтому и нам стоит внимательно отнестись к тому, на какие мифологемы действительно (а не по чьим-либо aberrациям) реагирует русское сознание и как их можно использовать в строительстве эффективных мифов с тем, чтобы создать России более достойное будущее. У такого подхода есть не только масса внешних, вроде приведенных уже, подтверждений, но и солидная объективная база.

Физика, химия, биология, антропология, история и культура в целом предоставляют нам массу эмпирических данных о том, что всякий пришлый извне элемент ведет себя в новой для себя системе иначе, чем в своей родной. Степень его выживаемости, способность инициировать трансформацию и глубина благотворного воздействия на окружающую реальность, зависят от того, насколько и как быстро он сумеет адаптироваться в условиях, существовавших до его появления, чтобы затем произвести обратную модификацию - приспособить эти условия к себе. Данная закономерность особенно ярко проявляет себя в сложных, открытых и неравновесных системах, к которым относится культура, общество, экономика. В подобных обстоятельствах область применения принципа сведения сложных уравнений к простым ограничена [Шредингер, 1972; Хакен, 1980; Азимов, 1983; Гейзенберг, 1987; Краткий... 1989; Пригожий, Стенгерс, 1994; Шелов-Коведяев, 2005]. Всем этим необходимо руководствоваться, имея дело с мифами и оперируя ими.

От негатива к позитиву

Вместо такой кропотливой работы у нас предпочитают взаимодействовать со сложными системами, как с простыми, и игнорировать, пренебрегая анализом подлинных причин неудач, особенности функционирования в обществе мифологем. И либо болезненно умиляться тем или иным мифам, либо их тотально отвергать. И то и другое недопустимо. Ни одно общество не может жить без своей здоровой мифологии [Лосев, 1976]. Ее формирование - специальная задача. Чтобы ее решить, с мифами надо работать. Попробую показать, как это в принципе возможно.

Легкомысленно отдав в 1990-е гг. понятия русского, патриотизма и многое другое разным проходимцам, молодая демократия не создала ничего взамен. Это предопределило печальную участь реформаторских партий. Три юные жертвы августовского путча 1991 г. не стали национальными "святыми", никто не поощряет и трепетного отношения к триколору, а ведь кроме них, да еще Конституции РФ, за которую потому так и держится В. Путин, у институтов современной России никакой иной легитимной базы попросту нет.

Если не нравится стилистика, в какой теперь обсуждают державность, империю, традиции, духовность... надо не гадливо отворачиваться, а предложить этим и многим иным символам свои толкование и вытекающие из него требования. Почему правым не трубить, что при Б. Ельцине самым патриотичным было первое правительство Е. Гайдара? Не будь его жесткой монетарной политики, Россия расплзлась бы вслед за СССР под натиском бартера, региональных денежных суррогатов и амбиций местных князьков. Вот и сформировать бы из этого миф. То есть живо, непосредственно и цельно переживаемую народом реальность. Не думаю, что время для такого хода упущено окончательно.

Но и помимо этого, у темы патриотизма есть ракурс, который не поборет тот, кто не хочет видеть иных средств его возрождения, кроме военной героики и подготовки. Патриотизм не воспитать, если на уроках твердят о значении религии, истории и литературы, а за окном школы - запустение, убожество типовых проектов и никого не коробящие руины или аляповатые новоделы архивов, библиотек, музеев, театров, иных архитектурных "шедевров" и просто доброй старой застройки, церквей, усадеб да домов тех самых храбрецов и творцов, коих только что превозносили на все лады. Человеку надо видеть зримые подтверждения того, что ему есть, чем гордиться в своей истории. Что нация бережет ее немых и гласных свидетелей, помнит обо всем, всех и каждом. Так патриота растят в странах, которые принято называть цивилизованными.

Доктриной патриотизма должны стать поклонение и уход за историческими городскими и сельскими ландшафтами. Не говорите, что снести старое дешевле, чем его реставрировать. Сделайте законами и практикой так, чтобы сносить стало дороже. Восстанавливайте и храните движимые и недвижимые памятники культуры. Найдите, назовите и упокойте всех до одного человека в войнах от Великой Отечественной до

Чеченской павших. *Это* начнет формировать людей, уважающих себя, страну, ее интересы, общее прошлое, и готовых биться за свои идеалы с кем угодно, то есть патриотов. Заодно и их души оттают, и квартиры для ветеранов найдутся, и пенсии им домой станут доставлять с поклоном. И "Зарница" не будет выпирать флюсом.

Данное понимание патриотического поведения и воспитания еще и экономически выгодно, ибо забота о наследии и его пропаганда вызовет всплеск внутреннего и иностранного туризма, а значит - развитие транспортной, гостиничной, полиграфической, образовательной, сервисной и иной инфраструктуры. Это потащит за собой индустрию сельского хозяйства и переработки, питания, строительства и строительных материалов, химии, рекламы, и т.п. Отсюда же - и новые технологии, и рабочие места, и жилье, и оптимизация доходов, и улучшение демографической ситуации, и закрепление граждан в провинции, в малых и средних городах, на селе. Один и сам по себе притягательный "национальный проект" заменит пять плюс массу федеральных натужно стимулируемых и финансируемых программ, сделает расходование средств кардинально прозрачнее.

Радикалы утверждают, что русским человек является лишь по принципу крови. Разумные люди, не противопоставляющие им своего мифа, сами виноваты в сползании страны к пропасти шовинизма, ибо им есть, что ответить. Русский - не этническое происхождение, а культура. Известно, что уже в момент своего появления на арене истории славяне были метисами [Шелов-Коведяев, 1991; 2005]. В дальнейшем сначала они, а потом и собственно великороссы включили в свой состав и абсорбировали массу иноземцев - от скандинавов и западноевропейцев до тюрок и монголов, от семитов до кавказцев.

Культура сделала русскими не только Юсуповых, Лазаревых, Небольсиных, Мещерских, Грузинских, Нессельроде, Урусовых, Евреиновых или Черкасских, но и А. Дельвига, И. Тургенева, О. Манделъштама и П. Чаадаева, А. Ахматову, Б. Пастернака точно так же, как А. Булгерова, В. Даля, Л. Орбели, В. Бехтерева, С. Аксакова, П. Флоренского, С. Франка, А. Флоровского, Н. Карамзина, И. Грабаря и многих других. Когда М. Гершензона, выпускавшего как сочинения классиков русской литературы, так и Еврейскую энциклопедию, спросили, кем он себя считает, он ответил: когда я выступаю как издатель, деловой человек, публицист и общественный деятель, я - русский, как верующий и сын своих родителей я иудей (излишне напоминать, что нерелигиозный человек не считался тогда евреем ни общиной, ни внешним миром). Остзейский барон лютеранин генерал К. Кауфман завещал: похороните меня в Ташкенте, ибо это настоящая русская земля, в которую не стыдно лечь русскому человеку [Шелов-Коведяев, 2005; 2006]. Таков подлинный русский диапазон и менталитет.

Тут нужно объединение всех, кто разделяет подобные взгляды и хочет отвести от нации нависающую угрозу нацизма. Митрополит Кирилл еще два года назад произнес на заседании IX Всемирного русского народного собора: русский народ всегда был полиэтничен и многоконфессионален. И повторил это на XI Соборе в марте 2007 г. А либералы, вместо того, чтобы взять его себе в союзники хотя бы по этому пункту, продолжают вязнуть в претензиях к нему. Хочу напомнить: подобная слепота и разобщенность в свое время привели в Германии к власти А. Гитлера.

Перекодировка

Вредно пренебрегать конструктивным обсуждением империи, державы и прочего, что вызывает мощный положительный отклик в умах большинства граждан. А полезно - создавать на том же материале в противовес ложным мифам верные и замещать ими ошибочные.

Империю отличают не мощь сама по себе и не то, что ее все слушаются. Это бывает и с государствами других организационных форм. Стержневая идея любой империи - глобальная (в соответствии с представлениями каждой эпохи) ответственность: народы приглашаются наслаждаться благоденствием и миром под ее защитой. Для этого империя не навязывает никакой идеологии, кроме уважения ее статуса, и никаких институ-

тов, кроме военной, полицейской и фискальной сфер. Это и придает ей привлекательность, которая, в свою очередь, обеспечивает интегрирующее притяжение и идеологическое обоснование неизбежного ей подчинения. По всем этим показателям СССР империей не был, отчего его план мирового господства и пошел прахом, а США - были, да "все вышли" после размывания ответственности и насаждения произвольной модели демократии и прав человека в Афганистане и Ираке.

Поэтому прежде чем говорить о реставрации в России империи, надо ответить на вопрос: готовы ли мы - солидарно и каждый в отдельности - брать на себя ответственность за тех, кого называют ее объектами? Причем не "вообще", а за каждую живую душу туркмена, грузина, украинца, поляка и др., проживающего в бывших республиках СССР или государствах бывшего восточного блока. Если да, то допустимо обговаривать параметры проекта.

Но судя по тому, как относятся в нашей стране не только к трудовым мигрантам и иностранным студентам, но и к собственным соотечественникам - беженцам из стран СНГ, общество к такому повороту совершенно пока не готово. А тогда о какой империи можно говорить? Вот какое видение предмета надо внушать отечественной аудитории. Хотя бы потому, что оно говорит об ответственности, традиционное для нас понимание которой необходимо вернуть в головы, травмированные советским разгильдяйством.

Державу определяет не просто уважение: уважают в мире многих и без державной стати. Положение державы обязывает. Чтобы нацию признали в данном качестве, мало помочь людям обеспечить себе достойную жизнь и следить, чтобы ее уровень реально рос быстрым темпом, хотя и до этого пока далеко. Нам потребуется содержать в чистоте и красоте памятники и кладбища. Полностью газифицировать скорее объявленных сроков все населенные пункты на просторах прежде, чем продолжить покупать газовые сети и бензозаправки за границей. Взять все русское за рубежом - школы, общества, некрополи, музеи - на свое обеспечение. Вывести собственное образование и науку в мировые лидеры, чтобы молодые люди ехали учиться сюда, на русском языке и по русским методикам, а не наоборот. Сделать русские гимназии и вузы в СНГ и Прибалтике самыми престижными. Вот это и будет держава. Все захотят в ней жить и станут относиться к ней с почтением. Да и выучившись у нас, станут лучше нас понимать, чем не продуктивный миф?

Пока же на реставрацию дома, построенного в Петергофе самим Петром I, не находится двух миллионов долларов, а на миллиардные покупки госкомпаниями иностранных бизнесов, и не только - хоть отбавляй. В такой ситуации уважения нам не дожидаться. В приличном обществе давно принято сначала обеспечить своих и лишь потом строить планетарные планы. Тех же, кто реализует их за счет ограничений собственных граждан, там заслуженно считают дикарями.

Соборность в понимании русских религиозных философов предвосхищает самые инновационные взгляды на глобализацию. Ибо трактуется ими как грядущее единение мира, сохраняющее и даже способствующее прогрессу его цивилизационного многообразия [Соловьев, 1994]. Разве может не нравиться, что в связи с этим они видели особую ответственность России за будущее мироустройство? Ведь именно вменяемой заботы о благополучии и самих себя, и планеты в целом нам как раз сейчас и не хватает.

На самом деле

У нас есть собственные давние и богатые традиции демократии и правовых отношений общества с властью. Представительное вече до и после монголов было не только в Новгороде и Пскове, но и во всех городах, чья история известна достаточно детально - Смоленске, Киеве, Суздале, Ростове, Владимире, Рязани, Твери и др. Совершенно особым было взаимодействие посада и государя на Москве. Хорошо документирована история сословных Соборов. Линия местного самоуправления вплоть до XX в., видоизменяясь, вообще никогда не прерывалась [Петрухин, 2005; Беляев, 2005]. Все это нужно убедительно и ярко впечатать в массовое сознание.

Право на Руси звалось *правдой* (отсюда названия кодексов: Русская Правда и т.д.). И когда простой люд говорил "не по закону (новое, неизвестное еще ему слово. - *Ф. Ш.-К.*) суди нас, а по правде", то имел в виду не так называемые "понятия", а как раз правовые нормы. Точно так же договор обозначался словом *ряд* (ср. *рядиться* и т.п.). Приглашенный обществом на стол князь заключал с ним договор, в соответствии с которым, а именно, *по ряду*, и был обязан править. Таким образом, порядок в исконном значении слова означает следование договору. Оттого и обычное в русском менталитете уважение порядка, да не полицейщины (если внимательно проанализировать всю без исключения нашу историю, ту всегда отторгали), но, наоборот, договорных отношений (ср. "слово купца"; "поговорим порядком" и пр. в рутинной стилистике до 1917 г.) [Даль, 1999]. Пришло время возвращать фундаментальным фактам языка их истинный смысл.

Точно так же не стоит удивляться вслед за графом Ж. де Местром, что в России занимаемая человеком должность уважалась больше древности его рода. Основная обязанность любой элиты - служение. Во Франции времен графа об этом основательно забыли и получили революцию. У нас же, несмотря на указ Екатерины II о вольности дворянской, помнили. Вся русская литература пронизана этим мотивом, начиная с первых церковных наставлений и княжеских поучений своим наследникам [Ключевский, 1988]. Не зря на пике популярности А. Пушкин столь страстно жаждал чина: за малым не больше, чем славы. Настоящей службой считалась военная: официально будучи государевой, она выполняла защитную функцию во благо всего общества.

В основе русского чиновничества лежит тем самым не низкопоклонство (хотя не обошлось и без его вторичной роли), а добросовестное почтение в ответ на честное служение социуму. Власть, которая блюдет наши интересы, пользуется неременным одобрением, и наоборот. Следует не разрушать этот очень полезный стереотип национальной ментальности, а заставить правительство действительно скрупулезно исполнять свою главную обязанность.

Традиционная православная духовность обнимает не только важнейшие нравственные категории взаимопомощи, милосердия и сострадания, которые делают ксенофобию совершенно чужеродным, а потому особенно опасным явлением в современной русской обстановке. Не менее подробно разработана в ней тема обязательных солидарности и трудолюбия, спасения трудом и благословенности результатов, в том числе достатка, нажитых честной работой [Булгаков, 1903]. Поэтому, когда нас призывают припасть к корням, надо, не превращая М. Вебера в икону, соглашаться, но тут же настаивать на возвращении к подлинной ортодоксальной этике, которая ничуть не отличается в этом плане от протестантской, кроме разве того, что включает в себя еще и наиболее актуальную ныне толерантность.

Организирующим стержнем этих качеств в русской душе служит совесть. Благодаря ей, ценность человеческой жизни, как и во всей авраамической традиции, всегда держалась у нас высоко. Русские полководцы относились к жизни очень серьезно. В чем убеждает сопоставление потерь А. Суворова, М. Кутузова, Ф. Ушакова, П. Нахимова и их противников. Отсутствие техники безопасности и гибель рабочих на производстве были обычным делом во всей Европе и в XIX в. Однако современники осуждали уже Ивана Грозного и Петра I именно за то, что они спокойно губили чужие души ради достижения цели [Соловьев, 1984].

Лить кровь, как водицу, стало общим правилом лишь в советское время. Поскольку большинство критиков России иной реальности никогда не знали, доминирует впечатление, что безобразное отношение к людям у нас было всегда. Но это не так, и здесь возвращение к истокам может стать весьма плодотворным.

Одно из самых распространенных заблуждений среди лиц самых разных убеждений - о неизбывном коллективизме русского характера. На самом деле (и это сразу замечают, погружаясь в нашу жизнь, все иностранцы) мы - большие индивидуалисты, чем остальные европейцы. Это очень легко проверяется: мы значительно труднее образуем группы, чем к тому привыкли в развитых демократиях. По-видимому, тут есть недооцененный пока ресурс развития отечественного бизнеса. Что касается общинной собственно-

сти, то, не вдаваясь в детали этого значительно более сложного, чем принято считать, явления, замечу, что многие земельные угодья и сегодня находятся, например, в Британии в собственности общин.

И сознание русское совсем не так внушаемо, как кажется многим. Недаром до сих пор реклама влияет у нас на поведение потребителя значительно слабее, чем рассчитывают рекламодатели. К примеру, американское общество куда более подвержено манипуляции; достаточно упомянуть, что 25 - 30 лет назад идеалом мужского поведения там был плейбой - любитель виски, курильщик и ловелас, а в 1990-е гг. - уже некурящий трезвенник, скромно пребывающий в тени своей гиперактивной супруги и не смеющий даже смотреть в сторону другой женщины. Понятно, почему в США так боялись коммунистической идеологии: если за 15 - 20 лет удалось на 180° развернуть нацию в столь деликатной сфере, она потенциально вполне способна всерьез построить и коммунистического монстра.

В последнее время стало модно с разных сторон культивировать в обществе психологию жертвы. То ли холодной войны, то ли собственного альтруизма (якобы Россия всегда жертвовала собой ради посторонних ей интересов прочих европейцев). Что касается первого, то мы сами победили собственный тоталитаризм (воздействие на нас западной пропаганды в этом сильно преувеличено) и заодно даровали свободу другим народам СССР и Восточной Европы. А что касается Запада, то мы же освободили его от самой тяжелой зависимости - его собственного страха перед нами. Не вижу, почему мы должны считать себя побежденными.

Если нас победили, то что мы потеряли? Становится все более очевидным, как я и писал более десяти лет назад, что все так называемые утраты оказались временными трудностями. Более того, мы, как всегда, самостоятельно встаем на ноги, а это по силам только победителю. Если Запад нас победил, то в чем его выигрыш? Проблемы у евро-атлантического сообщества только нарастают.

О втором тезисе и говорить долго не хочется: если Россия не смогла воспользоваться плодами Великой войны, то исключительно по своей воле, соблазнившись большевиками. В остальном же вспомним только последние три века - весь XVIII в. мы активно наращивали вес и свои территории в Европе, после победы 1812 - 1814 гг. 40 лет были ее "жандармом", с пореформенной поры были там очень авторитетны, а по итогам Второй мировой войны делили с американцами весь мир. Жертвенностью тут как-то не пахнет.

С оптимизмом

В целом же наши люди - едва ли не самые успешные в обозримой ретроспективе. В конце концов, несмотря на то, что мы сами с собой сотворили в XX столетии, мы все еще здесь. Любому другому народу хватило бы и десятой части пережитого, чтобы сгинуть без следа, а у нас еще хватает пороку в одиночку выходить из прорыва.

Господь решил во второй раз испытать нас энергоносителями, однако мы таки кое-чему научились на опыте прошлых высоких цен. Рачительно распоряжаемся заработанным. С трудом, но разворачиваемся в правильном направлении. Не будь нефти и газа, быстрее отмерили бы больше свободы частному бизнесу, не переувлеклись концентрацией, занялись современными секторами экономики и снизили на них нагрузку. Но позитивный тренд все же налицо.

Сейчас, дабы хорошие стартовые условия и правильные тенденции не пропали втуне, надо осознать, что главным локомотивом мирового развития стали культура, наука, образование в самом широком их понимании. Лучший пример тому - Китай, где залогом успеха стали прежде всего не прикладные, а фундаментальные культурные черты: сложное сочетание конфуцианских установок на рациональное образование, интеллектуальный прогресс, социальную ответственность и развитие с даосистско-буддистскими идеалами интуиции, неделания, материального самоограничения [Шелов-Коведяев, 2005].

Коли целостность оценок и действий вышла на первое место, то издавна присущие нам универсальность образования и науки, парадигмальность знаний суть ныне наши требующие приоритетных вложений главные конкурентные преимущества. И условие будущего лидерства. Надо только перестать морочить самих себя тем, что мы отродясь этикие непрагматичные романтики и мечтатели, что в этом якобы квинтэссенция нашей культуры, которую ни в коем случае нельзя расплескать.

Русское сознание имеет не просто комплексный и вселенский характер. Оно, как и у китайца (что само по себе достаточно редко), сбалансированно двуполушарное. Один из самых замечательных и наиболее образованный из поэтов Серебряного века, к тому же единственный ученый среди них, знаменитый и блистательный Вяч. Иванов тонко выявил, отлично понял и точно вычеканил эти качества в стихотворении "Русский ум": "Он трезво мыслит о земле, / В мистической купаясь мгле". Лучшая дефиниция, если угодно, национальной натуры. Пора ее понять и принять, как есть.

Такие мифы позитивно выстраивают наше сознание и, значит, жизнь. Что еще нужно, чтобы, наконец воспрянув духом, всерьез и ответственно заняться собственной судьбой и вырваться в мировые форварды?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов А. Краткая история химии. М., 1983.
Беляев Л. А. Московская Русь. М., 2005.
Булгаков С. От марксизма к идеализму. СПб., 1903.
Вейнберг С. Первые три минуты. М., 1981.
Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
Геллер У. Моя история. М., 1991.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999.
Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., 1971.
Карпинская Р. С., Никольский С. А. Социобиология. М., 1988.
Ключевский В. О. Древнерусские Жития Святых как исторический источник. М., 1988. Краткий миг торжества. М., 1989.
Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
Новиков Г. А. Очерки истории экологии животных. Л., 1980.
Новиков И. Д. Как взорвалась вселенная. М., 1988.
Одум Ю. Основы экологии. М., 1975.
Петрухин В. Я. Древняя Русь. М., 2005.
Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.
Соловьев В. С. Соборность. М., 1994.
Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
Тинберген Н. Социальное поведение животных. М., 1992.
Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
Шелов-Коведяев Ф. В. Введение в культурную антропологию. М., 2005.
Шелов-Коведяев Ф. В. Мы, славяне // Литературная газета. 2006. N 6.
Шелов-Коведяев Ф. В. Статьи "Плиний", "Тацит", "Птолемей" // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991.
Шредингер Э. Что такое жизнь? (С точки зрения физики). М., 1972. Юнг К. - Г. Архетип и символ. М., 1991.